

О вреде табака — эпизод 2 из 2

Впрочем, она, кажется, еще не пришла, ее здесь нет, и можно говорить всё, что угодно... Я ужасно боюсь... боюсь, когда она на меня смотрит. Да, так вот я и говорю: дочери мои не выходят так долго замуж вероятно потому, что они застенчивы, и потому, что мужчины их никогда не видят. Вечеров давать жена моя не хочет, на обеды она никого не приглашает, это очень скупая, сердитая, сварливая дама, и потому никто не бывает у нас, но... могу вам сообщить по секрету... (Приближается к рампе.) Дочерей моей жены можно видеть по большим праздникам у тетки их Натальи Семеновны, той самой, которая страдает ревматизмом и ходит в этаким желтом платье с черными пятнышками, точно вся осыпана тараканами. Там подают и закуски. А когда там не бывает моей жены, то можно и это... (Щелкает себя по шее.) Надо вам заметить, пьянею я от одной рюмки, и от этого становится хорошо на душе и в то же время так грустно, что и высказать не могу; вспоминаются почему-то молодые годы, и хочется почему-то бежать, ах если бы вы знали, как хочется! (С увлечением.) Бежать, бросить всё и бежать без оглядки... куда? Всё равно куда... лишь бы бежать от этой дрянной, пошлой, дешевенькой жизни, превратившей меня в старого, жалкого дурака, старого, жалкого идиота, бежать от этой глупой, мелкой, злой, злой, злой скряги, от моей жены, которая мучила меня тридцать три года, бежать от музыки, от кухни, от жениных денег, от всех этих пустяков и пошлостей... и остановиться где-нибудь далеко-далеко в поле и стоять деревом, столбом, огородным пугалом, под широким небом, и глядеть всю ночь, как над тобой стоит тихий, ясный месяц, и забыть, забыть... О, как бы я хотел ничего не помнить!.. Как бы я хотел сорвать с себя этот подлый, старый фрачишко, в котором я тридцать лет назад венчался... (срывает с себя фрак), в котором постоянно читаю лекции с благотворительною целью... Вот тебе! (Топчет фрак.) Вот тебе! Стар я, беден, жалок, как эта самая жилетка с ее поношенной, облезлой спиной... (Показывает спину.) Не нужно мне ничего! Я выше и чище этого, я был когда-то молод, умен, учился в университете, мечтал, считал себя человеком... Теперь не нужно мне ничего! Ничего бы, кроме покоя... кроме покоя! (Поглядев в сторону, быстро надевает фрак.) Однако за кулисами стоит жена... Пришла и ждет меня там... (Смотрит на часы.) Уже прошло время... Если спросит она, то пожалуйста, прошу вас, скажите ей, что лекция была... что чучело, то есть я, держал себя с достоинством. (Смотрит в сторону, откашливается.) Она смотрит сюда... (Возвысив голос.) Исходя из того положения, что табак заключает в себе страшный яд, о котором я только что

говорил, курить ни в каком случае не следует, и я позволю себе, некоторым образом, надеяться, что эта моя лекция о вреде табака принесет свою пользу.

Я все сказал. Dixi et animam levavi!1

(Кланяется и величественно уходит.)

Сказал и душу облегчил! (лат.)